

Иосиф Бродский

(...)

Задумав перейти границу, грек
достал вместительный мешок и после
в кварталах возле рынка изловил
двенадцать кошек (почерней) и с этим
скребущимся, мяукающим грузом
он прибыл ночью в пограничный лес.
Луна светила, как она всегда
в июле светит. Псы сторожевые,
конечно, заливали все ущелье
тоскливым лаем: кошки перестали
в мешке скандалить и почти притихли.
И грек промолвил тихо: "В добрый час.
Афина, не оставь меня. Ступай
передо мной", – а про себя добавил:
"На эту часть границы я кладу
всего шесть кошек. Ни одну больше".
Собака не взберется на сосну.
Что до солдат – солдаты суеверны.
Все вышло лучшим образом. Луна,
собаки, кошки, суеверье, сосны –

весь механизм сработал. Он взобрался
на перевал. Но в миг, когда уже
одной ногой стоял в другой державе,
он обнаружил то, что упустил:
оборотившись, он увидел море.
Оно лежало далеко внизу.
В отличие от животных, человек
уйти способен от того, что любит
(чтоб только отличиться от животных!)
Но, как слюна собачья, выдают
его животную природу слезы:
"О, Талласса*!.."
Но в этом скверном мире
нельзя торчать так долго на виду,
на перевале, в лунном свете, если
не хочешь стать мишенью. Вскинув ношу,
он осторожно стал спускаться вниз,
в глубь континента; и вставал навстречу
еловый гребень вместо горизонта

1970 г.

Из цикла **Post aetatem nostrum**

* Талласса – море (греч.).